



**Отклик на кн.: МАЦЕЙ ГУРНЫЙ. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА
ПРОФЕССОРОВ. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ 1912–1923 /
Пер. с польск. Н.С. Поляковой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та
в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с. (Эпоха войн и революций, 15).**

Александр Борисович Лярский

Независимый исследователь

Санкт-Петербург, Россия

lam732007@yandex.ru

Аннотация: Текст представляет собой отклик на книгу Мацея Гурного «Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923». Дается обзор основных положений работы М. Гурного. Ставится вопрос о том, насколько сильно влияют на научное знание вненаучные (националистические, политические, идеологические) основания мышления ученых и может ли быть это влияние искоренено. И книга Мацея Гурного, и современные события приводят автора отклика к неутешительным выводам.

Ключевые слова: социология знания, история науки.

Для ссылок: Лярский А. Отклик на кн.: Мацей Гурный. Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923 / Пер. с польск. Н.С. Поляковой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с. (Эпоха войн и революций, 15) // Антропологический форум. 2023. № 56. С. 209–214.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-209-214

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/liarsky.pdf>

ANTROPOLOGICZESKIJ FORUM, 2023, NO. 56

A Review of MACIEJ GORNY, *VELIKAYA VOYNA PROFESSOROV. GUMANITARNYE NAUKI 1912–1923* [The Russian translation by N. S. Polyakova of MACIEJ GÓRNY, *WIELKA WOJNA PROFESOROW. NAUKI O CZŁOWIEKU (1912–1923)*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2014, 384 ss.]. St Petersburg: EUSP Press, 2021, 414 pp.

Alexander Liarsky

Independent researcher

St Petersburg, Russia

lam732007@yandex.ru

Abstract: This text reviews the Russian translation of Maciej Gorny's book *The Great War of Professors. Humanities. 1912–1923*. After recollecting the main theses of the work, the review raises a question about the extent to which the extra-scientific knowledge (political, ideological, nationalistic) influences scientific knowledge and whether this influence can be eliminated. Both the book and some current developments lead the review's author toward rather disappointing conclusions.

Keywords: sociology of knowledge, history of science.

To cite: Liarsky A., 'A Review of Maciej Górny, *Velikaya vojna professorov. Gumanitarnye nauki 1912–1923* [The Russian translation by N. S. Polyakova of Maciej Górny, *Wielka wojna profesorów. Nauki o człowieku (1912–1923)*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2014, 384 ss.]. St Petersburg: EUSP Press, 2021, 414 pp.', *Antropologičeskij forum*, 2023, no. 56, pp. 209–214.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-209-214

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/liarsky.pdf>



Отклик на кн.: **Мацей Гурный**. *Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923* / Пер. с польск. Н.С. Поляковой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с. (Эпоха войн и революций, 15).

Текст представляет собой отклик на книгу Мацея Гурного «Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923». Дается обзор основных положений работы М. Гурного. Ставится вопрос о том, насколько сильно влияют на научное знание внеученные (националистические, политические, идеологические) основания мышления ученых и может ли быть это влияние искоренено. И книга Мацея Гурного, и современные события приводят автора отклика к неутешительным выводам.

Ключевые слова: социология знания, история науки.

Эта книга — о роли интеллектуалов в Первой мировой войне. Автор исследует развитие научной мысли в области географии, антропологии, психологии и психиатрии, в сфере исследования национального характера и того, что сейчас иногда называют «этнопсихологией». Представители ученых сообществ считали своим долгом вести войну с врагом, но не на полях сражений, а на страницах журналов и книг. В работе Мацея Гурного продемонстрировано, как патристическая и националистическая подоплека научных трудов определяла выводы вовлеченных в войну духа исследователей.

Это катастрофа, которую Мацей Гурный описывает, на мой взгляд, излишне спокойно, как-то даже хирургически бесстрастно. Антропологи, психиатры и психологи, исследователи культуры из Германии, Франции, стран Центральной и Восточной Европы применяли весь свой эвристический арсенал для защиты прав собственных стран и наций, для обоснования справедливости их целей в войне и для разоблачения естественно присущих противнику подлости, убожества и звероподобия. К своему ужасу читатель довольно быстро убеждается, что практически никто из героев книги не занимается сознательным искажением истины. Нет, они на самом деле так видели мир.

Александр Борисович Лярский
Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия
lam732007@yandex.ru

Речь идет даже не о добросовестном заблуждении — они не заблуждались. Вполне научными методами они приходили к вполне объективным выводам: измеряя черепа, опрашивая и фотографируя военнопленных, анализируя строение почв и рельеф местности, наблюдая за поведением людей и течением рек, ученые соперники в «войне духа» могли доказать все, что угодно, в зависимости от своих национальных или политических предпочтений. Немецкие психиатры могли описывать истеричность и «женскую внушаемость» французов так же успешно, как и французские психиатры — женоподобие немецких неврозов, буквально охвативших армию противника (С. 269, 279). Этничность помогала картографировать местность, географические границы конструировали этничность — при условии, что это соответствовало национальным пристрастиям географов (С. 196 и вообще вся третья глава). Бесчеловечная фантазмагория этих научных выкладок в итоге позволяла описать войну как эволюционную схватку «между сонмами долихоцефальных германцев и группой брахицефальных кельтов». Эта битва рептилоидов и должна была решить судьбу цивилизации (С. 240).

Как историк, не могу не отметить, что в этом противостоянии роль историков настолько неприглядна и так очевидна, что М. Гурный в своем исследовании не стал уделять много места этому отряду бойцов духовного фронта (С. 293).

По правде говоря, книгу Мацея Гурного следует читать не для того, чтобы лишний раз убедиться в социальных корнях «объективного научного» знания или в политической ангажированности ученых. Мы это и так знаем. В этом смысле книга вносит немного принципиально нового в наше понимание того, как устроен мир. История «войны профессоров» своим подробным разбором идей скорее пробуждает чувство страха и настоятельно ставит два очень важных вопроса. Во-первых, имеем ли мы дело с давно изжитыми огрехами прошлого (болезнью роста, случайными ошибками — у нас, ученой братии, много стыдливых и безопасных названий для груды наломанных дров) или перед нами карта никуда не исчезнувших провалов, свалиться в которые можно в любой момент? Во-вторых, если в основе своей устройство науки не изменилось, то как избежать новой катастрофы?

Ответ на первый вопрос, с моей точки зрения, очевиден: мы сумели извлечь уроки из прошлого, но! — не во всех случаях, не во всех вопросах, не во всех странах и не во всех ученых сообществах. Очевидно, что несвобода гуманитариев по отношению к политически сложным темам только увеличивается, а пропагандистская нагрузка на них растет. Государственные

структуры стремятся предписывать правильные подходы и оценки в тех случаях, когда от таких оценок зависит легитимность власти. Недаром крайняя (сказать «последняя» было бы неадекватно) российская конституция защищает именно *историческую* правду, игнорируя опаснейшее положение с биологической или химической правдой и буквально бросив на произвол судьбы правду физическую с ее формулой $E=mc^2$. Высокоставленный доктор исторических наук Владимир Мединский, как известно, прямо утверждает, что критерием истинности и научности должно быть соответствие тех или иных положений исторической науки национальным интересам России. Более того, именно такой подход должен стать основой преподавания истории в школе. Что об этом говорить. Российский уродливый казус — во многом только гипертрофированное отражение государственноцентричных подходов к науке. На французском примере об этом много писал и говорил глава ассоциации «Свобода для истории» Пьер Нора, утверждавший, что законодатели не должны вмешиваться в исторические оценки, поскольку замена государственной лжи на государственную правду ничего не меняет по сути дела.

Но книга Мацея Гурного не только об этом, хотя пропаганде там уделяется достаточно места. Тот же Нора говорил, что его борьба за свободу научного исследования не всегда находит понимание среди французских гуманитариев: «Некоторая часть историков не поддержала нас, они полагали, что законы, которые принимались во время правления левых, были хорошими, а те, что принимались при правых, — плохими»¹. Как видим, в основе своих взглядов Мединский не одинок. Это важный аспект книги Гурного — что правильная точка зрения научна и объективна и ее следует защищать, а неправильная не научна и не объективна. Хотя ведь именно научность и объективность должны быть критерием правильности, а не наоборот, верно?

И не следует напирать на замшелость понятия «объективность». Конечно, рассуждая о научности и объективности, мы вроде бы вступаем на скользкий и счастливый путь релятивизма, в запутанный и сложный лабиринт с многочисленными поворотами — лингвистическим, антропологическим и пр. Но и это слабо помогает. Релятивизм релятивизмом, но радикальный феминизм сотрет в порошок любого, чьи высказывания можно прочесть как не соответствующие пафосу гендерного равноправия. И о какой относительности может идти речь в неутрачивающем споре российских исследователей революции и Граж-

¹ Лозинская А. Пьер Нора: «Историки поняли, что законы — очень опасная вещь». Интервью интернет-проекту «Уроки истории». 2010, 31 мая. <<https://urokiistorii.ru/articles/per-nora-istoriki-ponjali-chto-zakony>>.

данской войны, где до сих пор — век спустя! — важно, является ли автор исследования сторонником или противником большевиков? Не говорю уже о логике дремучего государственничества, в которой государство всегда право, а государственные интересы приоритетны, причем независимо от того, киевское ли это государство или монгольское, Иван Грозный в Кремле или Владимир Ульянов. Правильная точка зрения для них существенно важнее любой другой. При этом правильность очень искренна и может зависеть от множества личных, общественно-значимых, идеологических, в общем, внеположных целям научного познания обстоятельств.

Я уж не говорю о том, как много в науке зависит от прагматики научной жизни с ее научными школами, связями и статусами. В этом смысле научная жизнь может быть описана как совокупность лояльностей, совершенно необязательно фальшивых, а часто вполне чистосердечных. Книга Гурного напоминает о том, что если в науке следовать по пути лояльности — неважно чему, научной ли школе или какой-либо идеологеме, престижному мейнстриму или вере в государственный интерес, то итог очевиден: рано или поздно от науки не останется и следа, останется одна лояльность. В конкретном случае, рассматриваемом в книге Гурного, — весьма кровавая лояльность.

Собственно, тут следует подумать над вторым вопросом, который ставит книга Гурного, — а что со всем этим делать? Как уберечься, если ни метод, которым ведется исследование, ни намерения исследователя не в состоянии защитить науку от бэконовских идолов? Если гуманитарная наука встроена в социальную реальность и может в любой момент бросить всю свою интеллектуальную мощь и авторитет на обоснование метафизических сущностей или идеологических пустот и при этом демонстрировать непоколебимую уверенность в истинности выдвинутых положений, то есть ли шанс нас от этого удержать?

Опыт и XX в., и нашего времени говорит одно — никакого средства, гарантирующего излечение, у гуманитариев не существует. Социозависимость, как и всякая зависимость, не может быть излечена до конца. Неважно, откуда придет импульс — из области финансирования или общественного одобрения, искреннего патриотизма или жажды признания со стороны коллег, мы должны помнить, что всегда возможен рецидив. Тут самая большая опасность — это забыть об опасности. И книга Маца Гурного сама по себе есть средство от забвения...

Конечно, хороша ложка к обеду. Все это было написано до 24 февраля 2022 г. Конечно, было бы здорово, если бы тогда эту рецензию и опубликовали. Тогда можно было бы теоретизиро-

вать о кейсах из минувшего и думать о том, как много я упустил в своих рассуждениях, как много преувеличил, как ради красного словца возвел напраслину на гуманитариев, отечественных в том числе. Ну действительно, так ли уж все безнадежно? Разве трагический опыт XX в. не научил нас быть осторожнее при рассуждениях о нациях и расах? Разве не оказались просто выведены за пределы научного дискурса многие вопросы, волновавшие героев «войны профессоров», вроде вопроса о национальных характерах и их мужских и женских чертах? Разве те подходы, которые раньше казались вполне корректными, не признаны ныне безнадежно устаревшими — не ищем же мы, в самом деле, в строении черепов основу «народной души»? Разве прививка конструктивизма не избавила нас от националистического абсолюта?

Увы, нет. Как мы знаем, практика — критерий истины, а практика последних месяцев показала, что вся эта плесневелая чушь никуда не делась. Чуть только мы приоткрыли крышки ракетных люков, так сразу оттуда полезло — и национальный характер, и естественные границы, и женоподобный противник, которому победа не светит по бабьей его природе.

Ну, вот, к примеру, в Петербурге в июне 2022 г. в Университете профсоюзов состоялись ежегодные, уже XX Лихачевские чтения. Среди прочего прозвучал доклад профессора Г.М. Бирженюка «Ситуация на Украине. Опыт конфликтологического анализа». Цитирую этот наполненный ссылками текст: «В ментальной плоскости Украина существенно отличается от России, и разговоры о подобии и братстве двух народов мало что могут изменить в этом плане. <...> Общие черты [украинцев. — А.Л.] — инфантильность, небрежность, анархичность, неуважение к себе и окружению, провинциальность, скупость, неподследовательность и т.п. В России такие качества в массовом сознании практически не встречаются»¹. Конец цитаты.

Удивительно, как время распределяется по пространству. «Люди каменного века» — говорили мне в школе об австралийских аборигенах. Казалось, что это просто красивая фраза, но вот мы вернулись на сто лет назад во главе с профессором Бирженюком. Значит ли это, что весь мир будет жить в двадцать первом веке, а мы заново проживем двадцатый? Не хотелось бы, конечно, но уж тут, как сказал один небезызвестный политик, «нравится, не нравится...» И, хоть и не нравится, но можно с сожалением констатировать, что наши надежды во многом оказались напрасны. Тот факт, что человек говорит от имени научного

¹ Текст можно скачать на странице «Лихачевских чтений»: <<https://www.lihachev.ru/chten/2022/plen/>>.

знания, ничего не значит. Ни метод, ни институты не помогли нам. И в который раз самыми прочными остаются только самые хрупкие и самые субъективные из опор познания — совесть, человеческая добросовестность и интеллектуальная честность ученого.

Книга Мацея Гурного, к сожалению, из сугубо исторической работы превращается в актуальное и востребованное исследование корней нашей эпохи и долго еще будет, судя по всему, таковым оставаться, потому что для совести, добросовестности и честности важно, чтобы о них постоянно напоминали, пусть даже с помощью отрицательных примеров из прошлого.

Александр Лярский

A Review of Maciej Górny, *Velikaya voyna professorov. Gumanitarnye nauki 1912–1923* [The Russian translation by N. S. Polyakova of Maciej Górny, *Wielka wojna profesorów. Nauki o człowieku (1912–1923)*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2014, 384 ss.]. St Petersburg: EUSP Press, 2021, 414 pp.

Alexander Liarsky

Independent researcher
St Petersburg, Russia
lam732007@yandex.ru

This text reviews the Russian translation of Maciej Górny's book *The Great War of Professors. Humanities. 1912–1923*. After re-collecting the main theses of the work, the review raises a question about the extent to which the extra-scientific knowledge (political, ideological, nationalistic) influences scientific knowledge and whether this influence can be eliminated. Both the book and some current developments lead the review's author toward rather disappointing conclusions.

Keywords: sociology of knowledge, history of science.